

ВЫСТУПЛЕНИЯ БУНИНА В ПРИБАЛТИКЕ: СБЫВШИЕСЯ И НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Евгения Савина
(Тарту)

Сразу после получения Буниным Нобелевской премии 10 декабря 1933 г. планировался его визит в страны Балтии с литературными чтениями, но тогда поездка не состоялась. Редактор рижской газеты «Сегодня» известил писателя о том, что рассчитывать на заработок не приходится из-за больших налогов. Однако очень скоро писателю все же пришлось зарабатывать чтениями, т. к. «нобелевские» деньги стремительно растворились, и Бунин стал ездить с гастролями по Европе. Визит в Прибалтику в 1938 г. стал заключительным звеном в его литературном турне (см.: [Бакунцев]) Нобелевский лауреат побывал в Литве (в Каунасе), Латвии (в Риге и Даугавпилсе) и Эстонии (в Тарту и Таллинне). В его программе было два доклада — «Встречи с моими современниками» и «О любви» (чтение рассказов «Сын», «Про обезьяну», «Кавказ»). В этой статье мы остановимся только на мемуарной части выступлений Бунина, которая вызвала наибольшее количество отзывов у зрителей, журналистов.

Заметки и афиши стали появляться в прибалтийских газетах начиная с 17-го апреля 1938 г. Они обещали, что в выступлении «Встречи с моими современниками» Бунин будет рассказывать о Толстом, Чехове, Горьком, Куприне и о других известных людях. Однако в реальности круг героев воспоминаний оказался гораздо уже: Бунин рассказывал лишь о Льве Толстом и о Федоре Шаляпине, хотя о последнем ни в одной афише не было сказано ни слова. Еще одним героем воспоминаний, возможно, была и Айседора Дункан — но об этом упоминают вскользь всего две рижские газеты. О том, что обещания афиш не были реализованы, свидетельствуют современники, например, актриса русского театра в Риге Татьяна Ратгауз, которая пишет подруге: «Решив, что он едет к черту на куличики в какую-то дикую Прибалтику, он думал, что публика будет платить двойную плату (цены огромные) только за то, чтобы взглянуть на ЛАУРЕАТА и что

можно ей в течение получаса читать свою статейку из “Современных записок” и читать очень плохо» [Письмо].

Татьяна Ратгауз была одной из немногих, кто не оценил ораторского мастерства Бунина. Газеты сообщали иное: «Как хорошо читает Бунин! Как много чувства в его словах и как они, при всей бунинской скупости слова, богато насыщены содержанием» [Старый нарвский листок: 3], «Не будучи чтецом по профессии и по специальности, он все же фиксировал внимание публики на своем чтении. Контакт с аудиторией был установлен сразу...» [Эхо]. Что касается упоминания о высоких ценах, то это была правда: в Эстонии билет стоил от 3 крон 10 центов до 3.60, а участие в банкете — 5 крон. В среднем в те времена билеты на концерты приезжих знаменитостей обходились от 50 центов до 1 кроны.

Отчасти права Татьяна Ратгауз и в том, что воспоминания Бунина были уже знакомы публике. Об этом писали и газеты: «Те, кто ожидал от маститого русского писателя новых, ранее не печатавшихся воспоминаний и впечатлений, уходили домой несколько разочарованными» [Яунакас Зиняс: 9]. Однако большинству публики этот факт не испортил общего впечатления.

Действительно, первое мемуарное свидетельство Бунина о Толстом можно было прочесть в «Современных записках» уже в 1927 г. В июле 1937 г. в Париже вышла книга писателя «Освобождение Толстого», где был также перепечатан текст 1927 г. Уже 24 августа 1937 г. в рижской газете «Сегодня» Петр Пильский опубликовал на «Освобождение Толстого» рецензию. Таким образом, текст о Толстом к 1938 г. был доступен всем заинтересованным жителям Литвы, Латвии и Эстонии. Воспоминания об Айседоре Дункан «Босоножка» были напечатаны 1936 г. в журнале «Иллюстрированная Россия». Даже воспоминания о Федоре Шаляпине, который умер за неделю до отъезда Бунина в прибалтийское турне, писатель успел опубликовать до или в процессе своего путешествия.

Федор Иванович Шаляпин умер 12 апреля 1938 г., за неделю до приезда Бунина в Каунас. Шаляпин не раз выступал в Литве, Латвии и Эстонии, поэтому не удивительно, что Бунин захотел поделиться своими воспоминаниями с публикой, которая не только слышала голос певца, но и не раз видела его на сцене. Мемуарный текст Бунина о певце под заглавием «Его памяти» появил-

ся впервые 17 апреля 1938 г. в газете «Последние новости»¹. И. Бунин не присутствовал ни на панихидах по Шаляпину, ни на его похоронах (известно, что писатель не любил ходить на похороны), поэтому свою сопричастность он выразил, опубликовав воспоминания. Бунин счел нужным объяснить и свое отсутствие на прощании: «Я нездоров, не выхожу из дому. Мысленно кланяюсь ему на его смертном ложе, целую его последним целованием» [Последние новости].

Другой текст воспоминаний Бунина о Шаляпине был опубликован 30 апреля 1938 г. в журнале «Иллюстрированная Россия»², во время пребывания писателя в Риге. Вероятно, Бунин написал оба текста сразу после смерти певца и до отъезда в прибалтийское турне (он выехал из Парижа 20 апреля). Позднее оба очерка, посвященные Ф. Шаляпину, были объединены Буниным и опубликованы под заглавием «О Шаляпине» в газете «Новое русское слово» 11 апреля 1948 г. (№ 13135) и затем вошли в книгу «Воспоминания» 1950 г.

И газету «Последние новости», и журнал «Иллюстрированная Россия», издаваемые в Париже, многие русские в Прибалтике выписывали. Подписчики журнала получали его каждое воскресенье. В этой связи интересно установить, какой именно отрывок прочел Бунин, выступая в Литве, Латвии и Эстонии — тот, что напечатал раньше, или свежий и, вероятно, никем не прочитанный до приезда нобелевского лауреата?

В первую очередь следует поставить вопрос: читал ли Бунин готовый текст по рукописи или импровизировал устно. Если свести воедино все газетные и прочие свидетельства, то получается, что о Шаляпине Бунин «рассказывал», а о Толстом — «читал». Особенно подробно останавливается на этом В. В. Шмидт. О выступлении в театре «Ванемуйне» она пишет: «После “Кавказа” прочел “Толстого”», «Бунин пропустил *при чтении* только то место, где он говорил о сходстве Толстого с его отцом». Однако по-другому характеризует мемуаристка вторую часть выступления: «Вернувшись на сцену, Бунин стал у самой рампы *и расска-*

¹ Написан текст был 15 апреля (через три дня после смерти Шаляпина).

² Иллюстрированная Россия — литературно-иллюстративный журнал. Издавался в Париже на русском языке с 1924 по 1939 г. Бунин входил в состав его редколлегии.

звал о Шаляпине <...> Рассказ был очень живой, в публике смеялись» [Шмидт: 338; курсив здесь и далее мой. — Е. С.]. Можно предположить, что Бунин решил рассказывать, а не читать потому, что текст воспоминаний был написан совсем недавно и был свеж в памяти.

Мы провели реконструкцию этого рассказа, опираясь на все газетные материалы, которые дают достаточно полное представление о содержании выступления Бунина. Наиболее развернуто пишет о нем корреспондент газеты «Сегодня» А. Перов. Начинает журналист так: *«Еще два месяца назад писатель сидел у Шаляпина, который уже тогда был болен. Но ничто не предвещало близкого конца. Шаляпин был бодр, как всегда шутил, много смеялся, не щадил сил и говорил, говорил без конца»* [Сегодня: 9]. Далее он передает эпизод, в котором Бунин критически высказывается о модной в свое время тенденции гордиться низким происхождением. *«Как-то Шаляпин показал мне фотографическую карточку своего отца, — рассказывает Бунин, — На карточке был изображен рослый мужчина в крахмальной сорочке с отложным воротником и галстуком, в енотовой шубе нараспашку. Служил отец Шаляпина в земской управе. Сказать, чтобы эта фотография говорила о том, что Шаляпин поднялся с самого дна, — нельзя»*. Далее Перов пишет, что Бунин рассказал о том, как началось их знакомство с Шаляпиным, как певец не щадил себя. Потом Перов продолжает: *«Рассказал также Бунин об общеизвестном случае с Шаляпиным, когда он вместе с хором опустился на колени на сцене Мариинского театра перед царской ложей, рассказал также о том, как Шаляпин приезжал на Капри, где он поразил итальянцев своим пением»*.

Не менее подробно описывает вечер Бунина, прошедший в Тарту, эстонская газета «Постимезс». Корреспондент также начинает с того, как нобелевский лауреат виделся с певцом в последний раз. *«Описывая Шаляпина, выступающий назвал его северо-русской натурой, которой был Ломоносов и другие русские с севера»*, — резюмирует журналист и далее упоминает о любви Шаляпина подчеркивать свою «русскость» и «низкое происхождение» [Постимезс: 2]. Затем газета пишет о том, о чем не упоминалось в «Сегодня» — об истории знакомства Бунина с оперным певцом. «Бунин не помнит, когда в первый раз познакомился с Шаляпиным, но помнит, как в одном московском ре-

сторане-трактире они перешли на «ты»: *«В большом зале ресторана что-то наигрывал оркестр. Вдруг появился Шаляпин, высокого роста, с длинными желтыми волосами. Он подал знак, чтобы оркестр прекратил играть, а сам продолжил ту же самую песню один. Потом началась порядочная попойка. Когда пришло время расходиться, Шаляпин, несмотря ни на какие протесты, сказал, что хочет отнести Бунина в его номер на пятый этаж. Туда Шаляпин велел принести еще бутылку столетнего бургундского вина и заплатил за это сто рублей. Вино, однако, было слишком старым и походило на малиновый сок».*

Последнее, о чем говорит «Постимеэс», это то, что Шаляпин не давал бесплатных концертов, так как *«Бесплатно только птички поют».* Последние штрихи вносит публикация в «Пяэвалехт». Таллиннская газета упоминает, со слов Бунина, об отношении Толстого к Шаляпину: *«Что касается пения Шаляпина, то на это Толстой сказал: “Он поет слишком громко”»* [Пяэвалехт: 5]. Также журналист «Пяэвалехт» передает тот трогательный момент из рассказа Бунина, когда Шаляпин слушал свое пение, записанное на пластинках: *«Будучи больным в Париже, Шаляпин со слезами слушал свое пение по граммофону, говоря: “Неплохо пел этот человек”».*

Сопоставив материалы газет со статьей Бунина в «Последних новостях» и в «Иллюстрированной России», мы пришли к выводу, что нобелевский лауреат знакомил слушателей с очерком «Его памяти», который был опубликован первым.

Из «Иллюстрированной России» в выступление Бунина вошел лишь эпизод коленопреклонения певца перед императором Николаем II. *«— Был бенефис императорского оперного хора, вот хор и решил обратиться на высочайшее имя с просьбой о прибавке жалованья, которое было просто нищенским, воспользоваться присутствием царя на спектакле и стать перед ним на колени. И обратился и стал. И что же мне, тоже певшему среди хора, было делать? <...> Одному торчать над всем хором телеграфным столбом? Ведь это же был бы форменный скандал!»* [Сегодня: 9].

Интересно то, что Бунин как будто специально выбирает для выступлений именно тот текст, который уже мог быть знаком публике. Первое выступление Бунина состоялось в Каунасе 24 апреля, через неделю после выхода газеты, и можно было со-

мневаться, успели ли слушатели познакомиться с очерком «Его памяти». В Тарту Бунин читал «Встречи с моими современниками» 9 мая, и сюда к тому времени газета уже точно успела прийти. Однако, судя по воспоминаниям очевидцев, текст большинству слушателей все-таки был незнаком. Например, В. В. Шмидт, почитательница творчества Бунина, в своих мемуарах «Встречи в Тарту», подробно останавливается на воспоминаниях писателя о Толстом, но почти ничего не пишет о той части выступления, где речь шла о Шалапине, объясняя тем, что ничего не запомнила. Вероятно, этот текст она просто не читала. Как свидетельствуют воспоминания Перова, не всем была знакома и «Жизнь Арсеньева», что говорить о только что вышедшем газетном очерке? Заметим, что, судя по мемуарам и газетам, больше всего понравились публике воспоминания о Толстом, которые уже не раз публиковались. Как писали газеты: «Новое было в этих воспоминаниях то, что публика слышала их от живого свидетеля, от того, кто лично сидел и разговаривал со Львом Николаевичем Толстым и с его окружением» [Эхо].

Видимо, именно на этом и строил Бунин свою стратегию, готовя литературные вечера — не новая информация, а живой голос живого современника.

Если говорить о сбывшихся и несбывшихся надеждах, то, судя по отзывам, надежды слушателей, в основном, оправдались. Залы, за исключением Даугавпилса, были полны, прием был теплым, оценки (газетные и мемуарные) — высокими. Что же касается ожиданий самого Бунина, то для него турне оказалось, скорее, неудачным. Писатель ехал в Прибалтику заработать, но, несмотря на то, что чтения пользовались большим интересом у публики, в материальном плане проект оказался провальным. Гастроли, по всей видимости, были плохо организованы и в бюджетном отношении не просчитаны — ведь нужно было заплатить за проезд, проживание, аренду зала, а также налоги с выступлений. В результате полученный остаток не мог оказаться внушительным. Кроме того, в интервью 1933 г. писатель говорил, что хотел бы «проехать через Ревель, побывать в Риге, в нашей родной обстановке» [Перов: 356].

Насколько это желание оправдалось в 1938 г., судить трудно: Бунин не оставил никаких свидетельств о своих чувствах и впечатлениях. Правда, он встретился здесь со старыми друзьями

и знакомыми, укрепил новые контакты. После личных встреч со своими корреспондентками из Эстонии М. В. Карамзиной и В. В. Шмидт он продолжил с ними более интенсивную и сердечную переписку и помог М. В. Карамзиной с изданием сборника «Ковчег».

ЛИТЕРАТУРА

- Бакунцев: *Бакунцев А. В.* И. А. Бунин в Прибалтике: литературное турне 1938 года. М., 2012.
- Перов: *Перов А. К.* Бунин в Риге (Из воспоминаний журналиста) // Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358.
- Письмо: Письмо Т. Ратгауз к Э. Чегринцевой, 3 мая 1938. Цит. по: *Мельников Н.* Литературный мир о творчестве И. А. Бунина, М., 2010. С. 800–801.
- Последние новости: Последние новости. 1938. № 6231. 17 апр.
- Постимеэс: Постимеэс. 1938. № 126. 10 мая.
- Пяэвалехт: Пяэвалехт. 1938. № 126. 10 мая.
- Сегодня: Сегодня. 1938. № 120. 1 мая.
- Старый Нарвский листок: Старый Нарвский листок. 1938. № 53. 13 мая.
- Шмидт: *Шмидт В. В.* Завет: «Сохрани». Встреча и переписка // Карамзина М. В. Ковчег. Таллинн, 2008.
- Эхо: Эхо. 1938. № 111. 25 апр.
- Яунакас Зиняс: Яунакас Зиняс. 1938. № 96. 30 апр.